

Пролог

По паркету зашуршали тяжелыми подолами платья, призывно застучали каблуки. Пройдя по коридору, мы очутились перед двустворчатой дверью и по доносившемуся из-за нее приглушенному шепоту поняли, что нас уже ждут. В мягком свете свечей между диванами и низкими креслами были расставлены столики. Нас ожидали мужчины в пижамах из плотного черного атласа, отделанных шнурами, блестящая ткань отбрасывала отблески на накрахмаленные рубашки. На запястьях мерцали массивные золотые цепочки или элегантные часы, роскошные шелковые платки украшали вышитые монограммы. Зрелище выглядело бы театрально и неестественно, если бы все не было идеально продумано до малейших деталей, однако меня больше завораживало замедлившееся, гулкое биение собственного сердца. К Иветте тут же подошел мужчина с павлиньим пером на манжете и увел ее в сторону. Подняв глаза, я увидела, как ко мне подходит другой джентльмен — в его петлице красовалась такая же гардения, как и на моем платье.

— Так вот как здесь все устроено?

— Это только на время ужина. Потом вы можете выбрать партнера на ваше усмотрение. *Bonsoir*¹.

— *Bonsoir*.

Мой кавалер оказался высоким и стройным, хотя суровое, испещренное морщинами лицо выдавало его возраст. Зачесанные назад седеющие волосы открывали высокий лоб и большие глаза со слегка набрякшими веками.

¹ Добрый вечер (фр.). — Здесь и далее примеч. перев.

Он напомнил мне святых с византийских фресок. Мужчина проводил меня к дивану, подождал, пока я не присяду, и протянул хрустальный бокал с прозрачным и ледяным белым вином. Все происходило крайне формально, но мне нравилась эта продуманная до мелочей хореография. Жюльену явно были по душе предстоящие развлечения. В зал вновь вошли официантки, в основном обнаженные, и принялись разносить выложенные на подносах крошечные рулеты с лобстерами, ломтики утиной грудки в медово-имбирном соусе и птифуры с малиной и клубникой, но даже столь изысканные лакомства не могли удовлетворить наш аппетит.

— Когда женщина ест фрукты красного цвета, то становится совершенно потрясающей на вкус, — заметил мой партнер.

— Знаю.

Некоторые пары вполголоса переговаривались, но в основном молча пили вино и наблюдали друг за другом, переводя взгляд с гостей на грациозных официанток с телами танцовщиц. Я сразу заметила, что все они стройные, но с крепкими мышцами — особенно выделялись мощные икры, сразу над голенищем сапог. Наверное, танцовщицы из кордебалета решили подработать. В противоположном углу зала я разглядела Иветту: кавалер кормил ее инжиром с миндалем, накалывая их на миниатюрную серебряную вилку. Тело моей подруги напоминало змею, темные бедра едва прикрывал красный шелк. Официантки бесстрастно курсировали по залу, гася свечи одну за другой. В воздухе запахло воском, и тут на мое бедро легла мужская рука. Не спеша он поглаживал меня настойчивыми, но легкими движениями, и я, отвечая на его ласки, ощутила приятное напряжение между ног. Девушки расставили по всей комнате лакированные подносы с презервативами, маслом монои в хрус-

тальных флаконах и лубрикантом в изящных пиалушках. Некоторые мужчины уже целовали своих партнерш, радуясь, что нашли подходящую пару, другие, вежливо извинившись, вставали и направлялись к выбранной заранее жертве. Задранное платье Иветты открывало ее раскинутые в стороны ноги, между которыми виднелась голова партнера. Я поймала взгляд Иветты, и она улыбнулась своей роскошной улыбкой, а потом запрокинула голову назад и упала на подушки, словно находящийся в экстазе наркоман.

Часть первая

ВЗГЛЯД СНАРУЖИ

1

Если вы спросите меня, с чего началась эта история, то я должна признаться, что в первый раз все вышло совершенно случайно. Как-то вечером, около шести, когда город начинал быстрее вращаться вокруг своей оси, а на улицах дул резкий майский ветер, я ехала в подземке. На станции было полно народу, душно и влажно, под ногами валялись выброшенные рекламные буклеты и обертки от фастфуда; вездесущие, чересчур вычурно одетые туристы резко выделялись на фоне сдержанных лондонцев с землистым цветом лица, которые возвращались с работы домой. Я стояла на платформе на станции «Грин-парк» на линии Пикадилли, направляясь домой после очередного потрясающего начала очередной потрясающей рабочей недели на моей невероятно престижной работе, где начальство помывало мною как хотело и относилось как к пустому месту. С противоположной стороны платформы только что отошел поезд, и толпа, словно по команде, издала тихий стон, увидев табло, на котором было написано, что электричка в нашу сторону застряла на станции «Холборн». Наверное, опять кто-то бросился на рельсы. По лицам ожидающих было совершенно ясно, о чем они думают: ну почему эти ребята вечно решают расстаться с жизнью именно в час пик?! Пассажиры с только что ушедшего поезда наводнили платформу. Среди них ярким пятном выделялась девушка на умопомрачительной высоте каблуках и платье бандо ярко-синего цвета. Кажется, из последней коллекции Алайи,

продаваемой в «Заре». Наверное, едет на Лестер-сквер, как и остальные лузеры-провинциалы. Прическа у нее была тоже выдающаяся: огромная копна искусственно наращенных волос темно-фиолетового цвета с золотистыми прядями, отражавшими неоновый свет ламп подземки.

— Джуди-и-и! Джуди! Это ты?! — радостно помахала мне незнакомка, но я притворилась, что ничего не заметила. — Джуди, я тут!

На нас стали оборачиваться. Девушка протиснулась подозрительно близко к желтому ограждению и закричала:

— Это я! Лианна!

— Вам там подруга машет, — окликнула меня какая-то добрая самаритянка, решив, что обязана помочь.

— Встречаемся наверху! — прокричала Лианна через толпу.

Последнее время мне редко приходится общаться с людьми с таким акцентом. Если честно, я и не думала, что когда-нибудь снова услышу этот голос. Лианна твердо вознамерилась дожидаться меня, а поезд все не ехал, поэтому я закинула тяжелый кожаный брифкейс на плечо и начала проталкиваться через толпу к выходу. Лианна ожидала меня в переходе между платформами.

— Приветнице! А я тебя сразу узнала!

— Привет, Лианна, — осторожно ответила я без особого энтузиазма.

Она просеменила разделявшие нас пару метров на своих каблучицах и бросилась мне на шею, как будто нашла сестру, с которой ее разлучили в детстве. Ну надо же!

— Нет, вы только гляньте, а?! Настоящая бизнес-леди! Я и не знала, что ты тоже переехала в Лондон!

Конечно не знала. Мы не общались уже лет десять. Я вообще не особо умею поддерживать отношения с фейсбучными друзьями, да и лишний раз вспоминать о том, откуда я родом, у меня нет никакого желания... Поймав себя на таких размышлениях, я почувствовала себя настоящей сучкой и решила как-то реабилитироваться.

— Классно выглядишь, Лианна. Прическа что надо!

— Ну, вообще-то, меня теперь зовут не Лианна, а Мерседес!

— Мерседес?! Ммм... красивое имя. Я предпочитаю, чтобы меня звали Джудит, как-то солиднее звучит.

— Нет, ну ты глянь, а?! Мы стали такие взрослые!

Не думаю, что на тот момент я чувствовала себя взрослой. Да и Лианна вряд ли.

— Слушай, у меня еще час до работы, — сказала она с режущим ухо акцентом. — Может, выпьем где-нибудь по коктейльчику? Поболтаем о том о сем?

Я, конечно, вполне могла сказать, что занята и очень спешу, записать ее номер телефона и притвориться, будто и правда собираюсь ей позвонить. Но куда мне спешить? Некуда. К тому же что-то в ее с детства знакомом голосе заставило меня ощутить одновременно и одиночество, и радость. Денег у меня оставалось всего две двадцатки, а зарплата еще через три дня... Хотя ладно, вдруг что-нибудь подвернется...

— Конечно, — ответила я, — давай я тебя угощу! Пошли в «Риц».

Два коктейля с шампанским в баре «Риволи» обошлись в 38 фунтов. У меня осталось два наличкой и еще двенадцать на карточке. Что ж, до конца недели придется затянуть пояс потуже. Глупо, наверное, пытаться пустить пыль в глаза бывшей однокласснице, но иногда про-

сто надо заявить о себе миру. Лианна, то есть Мерседес, радостно схватила бокал рукой с наращенными ногтями цвета фуксии и бодро отхлебнула пузырящийся «Мараскино».

— Чертовски мило с твоей стороны, спасибо! Хотя, вообще-то, я теперь предпочитаю «Редерер», — ненавязчиво поставила меня на место Лианна.

— Я тут работаю неподалеку, — упорно гнула я свою линию. — Искусством занимаюсь, работаю в аукционном доме. Специализируюсь по старым мастерам, — соврала я без всяких угрызений совести, потому что прекрасно знала, что Лианна не отличит даже Рубенса от Рембрандта.

— Круть! — присвистнула та, но тут же заскучала и принялась помешивать коктейль соломинкой.

Похоже, уже жалеет, что позвала меня в бар, подумала я, но совсем не рассердилась, а, наоборот, поймала себя на жалком желании произвести на нее впечатление и понравиться.

— Звучит-то круто, — доверительным тоном сообщила я, чувствуя, как бренди и жженный сахар проникают в кровь, — только вот платят копейки. Я на мели, если честно.

Мерседес тут же принялась рассказывать, что живет в Лондоне уже год и работает в элитном баре в Сент-Джеймсе.

— Считается, типа, классное заведение, но ходят в основном всякие старые пердуны, как везде... Не, ничего такого, ты не подумай! — затараторила она. — Это просто бар! Но вот чаевые что надо!

Она утверждала, что зарабатывает две штуки в неделю.

— Хотя на такой работенке толстеешь, — грустно покачала она головой, пытаясь ухватить себя за несущест-

вующий живот. — Столько пить приходится... Зато бесплатно! Если что, можно вообще в горшки с цветами выливать — нам так Олли говорит.

— Олли?

— Хозяин. Слушай, Джуди, а ты бы зашла к нам при случае! Если тебе деньги нужны, так там можно нормально подхалтурить! Олли всегда рад новым девочкам! Хочешь еще коктейль?

К столику напротив подошла пожилая пара, оба были одеты нарядно, но сдержанно и со вкусом. Дама неодобрительно посмотрела на покрытые автозагаром ноги Мерседес и ее декольте. Мерседес развернулась в ее сторону и, не сводя с женщины глаз, медленно раздвинула ноги, а потом закинула одну на другую, чтобы старая ханжа успела хорошенько разглядеть ее черные кружевные стринги и сразу поняла, у кого из них проблемы.

— Так вот, — снова повернулась она ко мне, когда покрасневшая как рак дама уткнулась в меню, — у нас там весело! Девчонки со всей страны! А ты будешь выглядеть суперски, если тебя немножко подкрасить да нарядить! Поехали!

Я опустила глаза, разглядывая свой черный твидовый костюм от «Сандро». Приталенный пиджак, короткая плиссированная юбка. Образ задумывался как намеренно кокетливый, профессиональный, слегка в духе парижского «Рив Гош», — по крайней мере, так я себя утешала, в сотый раз неуклюже подшивая распутившиеся швы. Надо признать, что рядом с Мерседес я выглядела унылой вороной.

— Прямо сейчас?

— А почему бы нет? У меня в сумке всякого барахла навалом.

— Ну не знаю, Лианна...

- Мерседес.
- Ах да, прости.
- Поехали, наденешь мой кружевной топ! С твоими сиськами будет офигенно! Или у тебя свиданка?
- Нет, — ответила я, допивая свой горьковатый с пузырьками напиток. — Нет, свиданки у меня в планах на сегодня нет.

2

Где-то я прочитала, что причинно-следственные связи защищают нас от непредвиденных обстоятельств и ужасающей воли случая. Почему я все-таки решила поехать с Лианной? День был самый обыкновенный, не хуже, чем всегда. Но решения обычно принимаются спонтанно и без раздумий над последствиями, как бы нам ни хотелось верить в обратное. В мире искусства есть всего два стоящих аукционных дома. Только они заключают сделки на сотни миллионов фунтов, только они занимаются коллекциями отчаявшихся лордов и пытающихся выбиться в элиту олигархов, только они хранят в безмолвных, словно музей, комнатах тысячи лет искусства и высочайшего мастерства, а потом превращают его в возбуждающую своим хрустом наливку. Три года назад я устроилась на работу в «Британские картины» и решила, что наконец-то добилась своего. Уже через пару дней я поняла, что к чему. Довольно быстро до меня дошло, что единственные люди, которым искренне небезразличны картины, — это носильщики, занимающиеся непосредственной переноской шедевров с места на место. Остальным на все плевать, они могли бы с тем же успехом втюхивать клиентам спички или сливочное масло. Меня взяли сюда, потому что у меня прекрасное резюме, я привыкла усердно работать и в целом неплохо разбираюсь в живописи, но скоро я поняла, что до высоких стандартов аукционного дома мне как до луны. После пары недель работы в отделе стало ясно, что тут всем плевать, можешь ли ты отличить Брейгеля от Боннара, — тут нужно было обладать нюхом на совершенно другие вещи.

И все-таки спустя три года я не могла не признать, что многое меня радовало. Мне нравилось каждое утро, минуя швейцара в униформе, входить в наполненное запахом орхидей фойе. Мне нравилось, как клиенты с благоговением смотрят на экспертов, пока я поднималась по внушительной дубовой лестнице. Здесь все выглядело как полагается: триста лет безупречной истории. Мне нравилось подслушивать разговоры, которые вели секретарши по работе с европейскими клиентами. Девушки нежно щебетали на французском и итальянском и при этом встряхивали безупречно уложенными волосами. Мне нравилось, что, в отличие от них, я не ставила себе целью всей жизни захомутать заезжего банкира. Я гордилась тем, что благодаря усердной работе практиканткой в течение года меня взяли на должность ассистента в «Британских картинах». Разумеется, надолго задерживаться в этом отделе я не собиралась. В мои планы совершенно не входило остаток жизни любоваться на написанных маслом собак и лошадей.

День, когда мы с Лианной столкнулись в подземке, начался с того, что Лора Бельвуар, замначальника отдела, прислала мне электронное письмо с рубрикой «Срочное задание!». Правда, само письмо оказалось пустым. Я подошла к ее столу и спросила, что нужно сделать. Наше начальство недавно съездило на курсы повышения квалификации для менеджеров, и Лора очень впечатлилась идеей электронного общения с коллегами, вот только печатать на компьютере она так и не научилась.

— Надо установить подлинность и составить описание нескольких работ Лонги.

Мы как раз готовили серию «разговорных портретов» этого венецианского художника для грядущего аукциона в Италии.

— Хочешь, чтобы я сверила все, что в наличии на складе?

— Нет, Джудит! Этим занимается Руперт! Сходи в Хайнц, узнай, можно ли идентифицировать лоты.

Руперт, глава отдела, редко появлялся на работе раньше одиннадцати. Архив Хайнца — огромный каталог изображений. Мне нужно было узнать, какие именно мелкие английские лорды XVIII века могли позировать для картин Лонги, поскольку наличие конкретных имен сделает эти работы более привлекательными для потенциальных покупателей.

— Хорошо. Дай мне, пожалуйста, фотографии.

— Они в библиотеке, — утомленно вздохнула Лора. — С пометкой «Лонги/весна».

«Британские картины» занимали целый квартал, поэтому от отдела до библиотеки я дошла за четыре минуты. Каждый день мне приходилось бегать туда-сюда по нескольку раз. Несмотря на то что, по слухам, здание было отреставрировано в духе XXI века, внутренним устройством он до сих пор напоминал банк Викторианской эпохи. Сотрудники сновали туда-сюда по длинным коридорам, чтобы передать друг другу распечатанные документы. Архив и библиотека даже не были оцифрованы, в кабинетах сидели призрачные фигуры в духе Диккенса, в отчаянии склонившись над высоченными горами счетов и фотокопиями договоров в тройном экземпляре. Наконец мне удалось найти конверт с фотографиями, я вернулась в отдел, взяла сумочку, и тут у меня зазвонил телефон.

— Алло! Это Серена с ресепшен. Мне тут брюки Руперта принесли.

Я обреченно поплелась вниз, забрала огромный пакет от портного Руперта, который принес курьер, и отнесла его в отдел. Лора негодуяще посмотрела на меня:

— Ты еще здесь, Джудит? И чем ты все это время занималась? Ну раз уж ты тут, будь любезна, принеси мне

капучино! Только в столовую не ходи, сбегай в то чудное местечко в «Краун пассаже». И чек не забудь забрать.

Сгоняв за кофе, я наконец пошла в архив. У меня в сумочке лежало пять фотографий: картины изображали сцены в театре «Феникс», на набережной Дзатерре и в какой-то кофейне на мосту Риальто. Через пару часов рытья в каталоге я составила список из двенадцати подходящих личностей, которые были в Италии в период создания портретов. Затем для большей достоверности я сверила индексы Хайнца с получившимися результатами и снова пошла к Лоре.

— Это еще что такое?! — уставилась она на меня.

— Вы же сами попросили заняться портретами Лонги...

— Эти картины мы продали шесть лет назад! Джу-дит, ну в самом деле... Я же утром отправила тебе фотографии по почте! Прикрепила к пустому письму!

— Лора, но вы же сказали, что они в библиотеке...

— В электронной библиотеке!

Я молча отправилась за свой стол, вошла в онлайн-каталог нашего отдела, нашла нужные фотографии в папке под гордым именем «Ланги», скачала их себе на телефон и снова пошла в Архив Хайнца, все еще пытаюсь прийти в себя после выволочки, которую мне устроила начальница. Я успела все сделать как раз к ее возвращению из ресторана «Каприз», где Лора обедала с двумя обиженными клиентами, которых вовремя не уведомили о времени частного просмотра интересующих их лотов. Быстро составив нужные биографии, я отослала их по почте Лоре и Руперту, показала Лоре, как открывать вложения в электронные письма, съездила на подземке на склад Музея декоративно-прикладного искусства рядом с Челси-Харбор взглянуть на образец шелка, который, по мнению Руперта, мог подойти в качестве фона

для работ Лонги, разумеется, обнаружила, что ткань совершенно не подходит, вернулась на работу пешком, так как на Кольцевой случился затор на станции «Эдгар-род», а по дороге еще успела забежать в универмаг «Лиллиуайт» на Пикадилли, чтобы забрать спальный мешок для сына Лоры, который собрался в поход вместе с одноклассниками, и наконец в половине шестого снова очутилась в отделе, совершенно выдохшаяся и злая на весь мир, но вместо благодарности получила лишь очередной выговор за то, что пропустила организованный для сотрудников отдела просмотр тех самых картин, над которыми я трудилась все утро.

— Джудит, право слово, так нельзя, — поморщилась Лора, — ты никогда ничему не научишься, если будешь бегать по городу вместо того, чтобы смотреть на произведения искусства!

Если не принимать во внимание таинственные кармические переплетения линии судьбы, то в любом случае совершенно неудивительно, что, когда вскоре после всего этого я столкнулась в подземке с Лианной, мне отчаянно захотелось выпить.